Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Паата Бурчуладзе – представитель русской басовой школы

23.05.2018.

Photo © N. Sikorsky

29 мая в Михайловском театре Санкт-Петербурга состоится гала-концерт, посвященный 40-летию творческой деятельности прекрасного грузинского певца. У нас была возможность побеседовать с ним незадолго до этого события.

Паата, Вы родились в Тбилиси, учились в Милане и Одессе, но позиционируете себя как представитель русской басовой школы. Почему?

Русский бас, как и итальянский тенор, – это профессиональный термин. Он обозначает глубокий, «темный» голос и традиционно драматическое исполнение.

Специалисты отличают его от вердиевского баса – тоже темного, но более лиричного. При этом Верди создал несколько партий, где без русского баса не обойтись – например, Великий Инквизитор в опере «Дон Карлос». При этом, обратите внимание, в той же опере есть Филипп, тоже бас, но более легкий. Все это нюансы, но только при их знании и соблюдении слушатель получает то наслаждение, на которое рассчитывал композитор.

В русском репертуаре «русскому басу» есть, где развернуться…

Конечно! Для этого голоса созданы великолепные партии: Борис Годунов, Пимен, Хованский, Досифей, Иван Сусанин, Гремин… Тут вердиевский бас не подойдет. При этом в Италии в свое время меня называли вердиевским певцом, но имели в виду не сам голос, а манеру исполнения, кантилену, то есть способность голоса к напевному исполнению мелодии. Вообще, русская, итальянская и немецкая, то есть три ключевые певческие школы, очень отличаются друг от друга, и настоящий профессионал должен знать все три.

Не могли бы Вы для людей непосвященных кратко объяснить основные отличия?

В итальянской школе, Верди, например, может ради красоты музыки прервать фразу, сделать паузу. Мусоргский же, наоборот, придает большее значение смыслу произведения и может ради текста это прервать мелодию. В немецкой школе, которую я знаю меньше, огромное внимание уделяется дикции, четкому произношению каждого слова. Если честно, немецкий репертуар я люблю меньше и пою его реже, предпочитаю русский, итальянский, французский…

Паата Бурчуладзе в роли Бориса Годунова, Большой театр, Москва (© Лариса Педенчук)

Говорят, что певцом стать легче, чем музыкантом любой другой специальности – и учиться столько не нужно, и голос может «открыться» практически в любом возрасте. Конечно, такое видение утрировано…

Утрировано, хоть и были случаи, когда люди начинали петь в 35-40 лет и делали карьеры. У меня все было по-иному, более традиционно. Пел я с детства, но сначала окончил десятилетку по классу фортепиано, а уж потом поступил в Тбилисскую консерваторию по классу вокала. Я получал параллельно два высших образования: учился на дневном отделении в консерватории, а на вечернем – в Политехническом институте.

А почему так?

По просьбе родителей! Дело в том, что именно они уговорили меня поступать в консерваторию. Я не хотел, мне было стыдно.

Стыдно?!

Ну да! Тогда люди моего поколения, да и я сам смеялись над теми, кто носил бабочку, это казалось как-то не по-мужски. А Политех был логичным выбором – там

преподавал мой отец, профессиональный строитель, и я пошел по его стопам, поступив на отделение промышленно-гражданского строительства. Но отец пообещал купить мне «Жигули», если поступлю в Консерваторию – стимул, как Вы понимаете, серьезный! Если бы у него не было возможности дать такое обещание, может, и не стал бы я певцом. Но мы оба сдержали свое слово.

Думаю, не только машина сыграла роль…

На третьем курсе я впервые вышел на сцену в роли Мефистофеля. После знаменитых куплетов раздались аплодисментов, и я подумал, что в профессии певца есть преимущества. И бабочка уже не смущала! (смеется)

Поворотным моментом в Вашей карьере стала победа на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского в 1982 году. Как возникла идея участвовать в нем? Кто Вас готовил?

Замечу, что тот конкурс был вторым в моей жизни. Первый я выиграл в 1978 году, когда четыре певца из Советского Союза были отобраны для стажировки в миланском театре Ла Скала – была тогда программа обмена, по которой из Италии к нам приезжали учиться балету, а туда отправляли вокалистов. Я был самым молодым, мне было 23 года. Завершив стажировку, в 1981 году я победил на конкурсе «Вердиевские голоса» в итальянском городе Буссето – получил вторую премию, первая не присуждалась. Собственно, это и навело меня на мысль об участии в конкурсе в Москве, но проблема заключалась в том, что русского репертуара у меня практически не было, а он – основа конкурсной программы. И вот тогда судьба свела меня с Евгением Николаевичем Ивановым и его женой Людмилой Ильиничной…

Давайте поговорим об этом подробнее…

Обязательно! Мне представили эту пару, как «кузнецов победителей конкурсов». Я отправился к ним в Одессу и … они стали моей семьей. Поначалу, несмотря на мои внушительные габариты, спал на диване в гостиной, после победы на конкурсе уже мог позволить себе останавливаться в гостинице. 2 января 1982 года я впервые вошел в их скромную двухкомнатную квартиру, а летом того же года получил Первую премию в Москве – вот какие это профессионалы! Увы, Евгения Николаевича уже давно нет, а с Людмилой Ильиничной мы в постоянном контакте – и дружим, и работаем, именно с ней я готовлюсь к выступлению на юбилейном концерте в Санкт-Петербурге.

Расскажите, пожалуйста, о Вашем первом выступлении за границей.

Самым первым, сразу после конкурса имени Чайковского, было выступление в римской Академии Санта-Чечилия, в концертном исполнении оперы «Сомнамбула». А первым полноценным спектаклем стала «Аида» в 1984 году, в Ковент-Гардене. Только представьте, себе – моими партнерами были Лучано Паваротти и Катя Ричарелли, а дирижировал Зубин Мета.

Как же Вам, тогда совсем молодому певцу, удалось попасть в такой звездный состав?

Знаете, я твердо убежден, что помимо природных данных и большого труда, любому артисту необходимо везение, удача. И мне – сплюнем через левое плечо! – удача сопутствовала. В жюри конкурса имени Чайковского был англичанин Джеймс Робертсон. После моей победы он позвонил своему другу, импресарио Уильфриду Стиффу, сотрудничавшему с СССР, и тот, получив из Госконцерта мою запись арии Гремина, пригласил меня, в 1983 году, спеть в оратории Элгара «Сон Геронтия» на Личфильдском фестивале. После этого он устроил мне прослушивание в Ковент-Гардене, и вот … удача: уже через год приглашение! Паваротти тогда впервые пел Радамеса, и была вакансия на басовую партию. Весь мир приехал слушать Паваротти, а заодно заметили и меня – Герберт фон Караян в лондонской «Таймс» назвал меня вторым Шаляпиным. Это фраза открыла мне все двери и сопровождала всю последующую жизнь. А сам великий дирижер вызвал меня на прослушивание в Зальцбург, начал приглашать выступать. Мы вместе записали «Дон Жуана», «Реквием» Верди….

Вы пели на лучших сценах мира, а доводилось ли выступать в Швейцарии?

Да, я участвовал в постановке «Набукко» в Цюрихской опере, выступал с концертом в Тонхалле, а в Женеве заменял заболевшего певца. Бывал на фестивале в Золотурне, в опере Санкт-Галлена. Надеюсь в будущем еще выступить в этой стране, где любят классическую музыку.

Я не знаю ни одного грузина, который не был бы страстным патриотом своей страны. Это национальная особенность?

(улыбается) Наверное. Мы горячий народ, гостеприимный. Знаете, говорят, что даже враждующие между собой грузины объединяются, если надо принять гостей, и ведут себя, как ни в чем не бывало.

Паата Бурчуладзе в роли Дона Карлоса, Teatro Liceu, Барселона (© Antoni Bofill)

Несколько лет назад Вы, чисто творческий человек, решили заняться политикой. Почему?

На самом деле, что значит «заниматься политикой»? В моем понимании, это значит делать что-то для своей страны, а не просто выступать на митингах. И в этом смысле я занимаюсь политикой уже давно благодаря созданному мною благотворительному фонду «Иавнана», что в переводе на русский означает «Колыбельная». Фонд был основан в 2004 году, чтобы обеспечить приют сиротам и детям, лишенным родительской опеки. Под эгидой фонда проведено множество благотворительных акций-концертов как в Грузии, так и за ее пределами. В результате нашей работы более тысячи детей вернулись домой, мы покупали молодым людям квартиры, давали возможность получить образование … Я всегда призывал моих сограждан помогать друг другу, а мне помогали мои друзья – выдающиеся музыканты Пласидо Доминго, Монсаррат Кабалье, Рамон Варгас, Марчелло Алварес, Юрий Темирканов, Ольга Бородина, покойный Дмитрий Хворостовский… Все давали концерты в пользу фонда, без всякого гонорара. Сейчас при участии фонда завершается строительство храма Иверской богоматери. А начал я все это делать потому, что увидел, что моя страна движется не в нужном направлении… Увы, это движение продолжается и сегодня, страной единолично руководит человек, плохо представляющий себе

реальную жизнь. Но я надеюсь, что молодежь изменит эту тенденцию.

Хорошо известно, что многие умные, образованные, самодостаточные люди не хотят заниматься политикой, считая ее грязным делом и не желая приобретать публичный статус.

Я их понимаю, но кто-то же должен это делать! Я считаю, что известные люди, пользующиеся авторитетом в мире, просто обязаны продвигать позитивные идеи, особенно если речь идет о маленькой стране. Моя деятельность кое-кому не нравится, под мой фонд тоже начали «копать», но ничего не накопали. На сегодняшний день я из активной политики вышел, вернулся на сцену, чему очень рад.

Наверное, после двухлетнего перерыва вернуться в «обойму» сложно?

Очень сложно! Но помогают репутация и старые связи. К счастью, я еще в хорошей профессиональной форме, так что друзей своих не подведу.

Я знаю, что в последнее время Вы занялись преподаванием.

Да, в память о Евгении Иванове, подготовившем меня к сцене, и о Лучано Паваротти, очень помогавшем мне в начале карьеры. Настала моя очередь помочь молодым певцам. В Грузии вокальная культура находится на очень высоком уровне, многие наши певцы поют уже по всему миру. Я бы хотел внести свой скромный вклад, поделившись большим накопленным опытом. Желающих перенять его много, и я стараюсь находить время. Как Вы знаете, не существует письменной методики преподавания вокала, поэтому от педагога зависит очень многое – он может как «вывести в люди», так и погубить. Кроме того, не все хорошие певцы хорошо преподают, и не каждый даже хороший педагог подходит всем. Когда я стажировался в Ла Скала, с нами занималась Джульетта Семионато. В группе были певцы со всего мира, а «подошла» она только двоим – мне и одному итальянскому тенору. Я убежден, что человек, сам не певший на сцене, не может учить петь, ведь нужно знать, что происходит в горле, в животе, в коленках, как действует на голос стресс, чтобы все это объяснить.

Паата Бурчуладзе и Надежда Сикорская во время интервью (© Nashagazeta.ch)

Вы проработали один сезон в Михайловском театре Санкт-Петербурга в качестве руководителя оперной труппы. Почему так мало?

А у меня изначально контракт был на год, и этот год был очень интересным. Я хотел увидеть, как работает театр изнутри, с административной точки зрения, поскольку не исключаю возможности в будущем работать где-то еще.

В этом году Вы отмечаете 40-летие творческой деятельности, то есть отсчет ведете с 1978 года.

Да, именно тогда я спел свою самую первую партию – в опере Отара Тактакишвили «Похищение луны» в Тбилисском оперном театре. На юбилейном концерте в

Михайловском театре со мной опять будут мои друзья – Мария Гулегина, Ольга Бородина, Ферруччо Фурланетто, Марко Берти, а также талантливые молодые исполнители, уже вышедшие на международную сцену, - сопрано Лана Кос из Хорватии и тенор Отар Жорджикия из Грузии. За дирижерский пульт встанет Марко Паладин, главный дирижер венецианского оперного театра Ла Фениче. Думаю, вечер будет интересным. В течение этого года я также выступлю в Москве, Софии, Ереване... Так что юбилейный год только начинается!

Мы поздравляем Вас с юбилеем и надеемся, что и швейцарские меломаны скоро получат возможность услышать Ваш прекрасный голос.

Паата Бурчуладзе

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/paata-burchuladze-predstavitel-russkoy-basovoy-shkoly